

Володя
Самсонов

Рассказики

Владимир Владимирович Самсонов

Рассказики

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24822848
Володя Самсонов. Рассказики: ПРОБЕЛ-2000; Москва; 2014
ISBN 978-5-98604-429-3*

Аннотация

Вызвать чей-либо интерес к представленному литературному труду вступительным словом надежды мало. Исхожу из собственного читательского опыта. Время от времени приходится слышать примерно следующее: «Володь, а ты читал новую книгу Сидорова? Ну, Сидорова Ивана Петровича?» Приняв на грудь мое вполне ожидаемое «нет», вопрошающий поудобнее располагается в креслах своего «я» с тем, чтобы без утайки поделиться мнением о прочитанном – и делится, делится и делится, как говорится, по полной программе. Вскоре становится ясно, что зернышко к зернышку собиравшийся в новой книге Сидорова бисер мечется не перед тем, кто способен его оценить. Тем не менее знакомый – добрая душа! – проводит под сказанным черту: «Прочитай, прочитай. Мне кажется, тебе должно понравиться».

Чаще всего знакомство с очередным Сидоровым заканчивается усталостью и желания орать с балкона «шапки долой» нет никакого. Каждый оказывался в таком положении и знает, о чем речь. Мой читатель, предупреждаю честно, рискует

в очередной раз и рискует сильно. Однако, если по прочтении книги у него возникнет желание дружески пожать ее автору руку или, паче чаяния, пожалеть его, то в первом случае он получит удовлетворение, а во втором может быть уверенным, что будет понят на все сто.

Содержание

От автора	6
Ма	7
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Володя Самсонов

Рассказики

© Самсонов В. В., 2014

От автора

Вызвать чей-либо интерес к представленному литературному труду вступительным словом надежды мало. Исхожу из собственного читательского опыта. Время от времени приходится слышать примерно следующее: «Володь, а ты читал новую книгу Сидорова? Ну, Сидорова Ивана Петровича?» Приняв на грудь мое вполне ожидаемое «нет», вопрошающий поудобнее располагается в креслах своего «я» с тем, чтобы без утайки поделиться мнением о прочитанном – и делится, делится и делится, как говорится, по полной программе. Вскоре становится ясно, что зернышко к зернышку собиравшийся в новой книге Сидорова бисер мечется не перед тем, кто способен его оценить. Тем не менее знакомый – добрая душа! – проводит под сказанным черту: «Прочитай, прочитай. Мне кажется, тебе должно понравиться».

Чаще всего знакомство с очередным Сидоровым заканчивается усталостью и желания орать с балкона «шапки долой» нет никакого. Каждый оказывался в таком положении и знает, о чем речь. Мой читатель, предупреждаю честно, рискует в очередной раз и рискует сильно. Однако, если по прочтении книги у него возникнет желание дружески пожать ее автору руку или, паче чаяния, пожалеть его, то в первом случае он получит удовлетворение, а во втором может быть уверенным, что будет понят на все сто.

Ма

*«Один не разберет, чем пахнут розы,
Другой из горьких трав добудет мед.
Дай хлеба одному – на век запомнит,
Другому жизнь пожертвуй – не поймет...»*

Омар Хайям

Свет в комнате выключен, и лишь чье-то бормотание из ее угла нарушает необычную для московских квартир тишину.

– Кажется, я Михалну забыла спросить, почему она взяла огурцы. Больно хорошие огурцы...

На старенькой тахте, под пледом, время от времени ворочается довольно полная на вид женщина. Ей можно дать лет шестьдесят пять, не меньше. Пожалуй, даже семьдесят – не будем ее жалеть. Ничем не примечательное лицо походит на первый блин малолетнего поваренка, который в качестве бонуса за смелость подсунул едокам обещания чего-то гораздо лучшего, шкворчащего, пузыристого, золотистого с корочкой, с маслом или сметаной, где соли и сахара в самую меру. Складывается впечатление, что мифический поваренок порезвился от души. Нос картошкой, мощный второй подбородок, потрескавшееся от морщин лицо и почти бесцветные губы – вот первое, на что может обратить свое внимание иной зритель, случись ему оказаться здесь. А мо-

жет быть, и нет. Например, на ногах женщины надето нечто, сшитое из войлока и похожее на обувь далеких предков. Это самое нечто можно легко принять за высокий пример народного творчества, ведь на голенищах красуются вышитые толстыми шерстяными нитками, скрученными вдвое, целые сцены из жизни, где царят покой и счастье. Самопал такого рода столетиями скрашивал жизнь людям, которым приходится сводить концы с концами. Прекрасным героям вышивки за поведение, судя по всему, ставились распрекрасные отметки, уж больно довольными выглядят их рожицы. А если учесть, что с такими показателями они могут никуда не спешить, то всякому, кому доведется их увидеть, останется только вздохнуть и завидовать. Кое-где этот hand made дополняют аккуратно наклеенные кусочки ткани разных цветов.

Старушка лежит лицом к стене и внимательно изучает одну из сотен белых розочек, правильными рядами, как солдаты в строю, расположившихся на обоях.

Комната не выглядит большой. Наверно, от того, что в ней находится несколько крупногабаритных предметов. Самым примечательным из них, бесспорно, можно считать старый, еще довоенный сервант. Он похож на здание какого-нибудь министерства, из которого вроде бы никто не выходит и в которое никто не входит, а окажись внутри, – сущий ад и муравейник. Скрытые от глаз и находящиеся на виду предметы живут здесь своей жизнью. За тонированными стеклами тускло бликует чешский чайный сервиз «Мадонна» на шесть

персон из пятнадцати предметов, некоторые из которых подпирают предметы совсем другого назначения. Японский веер, несколько лампочек дневного света на сорок ватт, градусник в виде Спасской башни, восковое яблоко и маленький граненый стакан с тыквенными семечками внутри – только некоторые из них. Во впалом «животе» серванта выясняет между собой отношения старого образца, похоже не использованная по назначению, парочка боксерских перчаток. Их немые – и уж не знаю, благодарные ли, – болельщики: радиоприемник «Альпинист», непчатый пузырек одеколona «В полет», почти пустой флакончик «Духи 8 марта», перевязанная тесьмой стопка журналов «Роман-газета», здоровенный, килограмма на два, не меньше, кусок настоящего пчелиного воска, завернутый в несколько слоев пергамента, три пары перепутавшихся между собой наушников, да деревянный грибок для штопки на пару с открытым посередине блокнотом. Несколько в стороне от них, как не получившие билеты на спортивный праздник, ждут продолжения событий несколько заколок и украшений для волос, упаковка спичек из десяти коробков, деревянная шкатулка с бижутерией и недовязанная детская кофточка без рукавов. Внутренности серванта остаются для чужих глаз тайной. Что в них скрывается, известно только самой хозяйке.

Значимость массивного круглого стола, стоящего посередине комнаты, также трудно переоценить. Сейчас он покрыт вязанной крючком скатертью с бахромой по краям. Всего

несколько предметов нарушают его геометрию: небольшая вазочка с сахаром, в котором застряла почти черная окаменелость – скорее всего не донесенная до рта капля вишневого варенья, – швейная машинка «Подольск» без признаков начатой работы и шахматная доска со стоящими на ней фигурами. Здоровенное пианино «Ronisch», слева от тахты, также заслуживает внимания. Черное, с золотыми канделябрами и растительным орнаментом на груди чудовище служит пьедесталом для проигрывателя «Россия 321Стерео», «Почаевской Пресвятой Богородицы», «Митрофана Воронежского» и маленькой «Владимирской Божьей Матери». Остальные предметы обстановки, кроме, разумеется, упомянутой выше тахты, воспринимаются какой-то кучей-малой, хотя и очень организованной, как если бы между ними существует тайный сговор, недоступный пониманию остальных. Бардачок такого рода фантастически быстро – все мы знаем – создается и убирается только при генералке, то есть весьма и весьма редко. Хозяйка, судя по всему, чувствует себя в такой обстановке вполне комфортно.

Итак. Давно уже пора закруглиться с этим описанием, понимаю, но очень хочется втиснуть сюда еще буквально несколько слов. Они, на мой взгляд, совершенно необходимы хотя бы потому, что герои этой повести провели среди них достаточно много лет, чтобы читатель мог проявить терпение и подождать чего-то более захватывающего всего минуту.

Для тех, кто по-прежнему с нами. Вазочка с подсыхающим джемом внутри ютится на этажерке, стоящей в головах тахты. Почему она не на своем месте, непонятно. Как и наполовину стертый нож с доской для резки. Там же: проигрыватель, бумажные обрывки, несколько совершенно новых книг и брошюр, керамическая пивная кружка с видом Мюнхена на боку, поглотившая несколько карандашей, ручек и ножницы для ногтей, стопочка аккуратно сложенных носовых платков и трехлитровая банка, почти доверху наполненная самыми разными пуговицами. Она венчается небольшим резиновым мячиком, который неизвестный шутник однажды повязал лоскутом белой тряпки в черный горошек. Радиола «Ижевск» со своими задушевными цвета слоновой кости пятью кнопками посередине с исполненной достоинства простотой притихла на совершенно никакой тумбочке, настолько никакой, что пусть никакой и останется во веки веков. В углу комнаты черно-белый телевизор «Рекорд 350-1». За ним трехстворчатый шкаф. Над тахтой висит копия саврасовских «Грачей» в местах облупившейся золоченой раме, фото Сталина и групповая фотография выпускников десятого класса «Б» средней школы № 96 города Москвы. На другой стене делает свое дело барометр времен Очакова и покорения Крыма. Окно прикрывают тюль и плотные коричневые шторы. Пол застелен тремя цветастыми дорожками. Такие изделия и по сей день широко распространены в деревнях. Обычно их вяжут из всякого тряпья, которое загодя

режут на полоски.

В целом комната производит впечатление уютного гнезда, где, невзирая на относительный беспорядок, любая вещь может быть найдена с закрытыми глазами. Всякий предмет здесь либо давний испытанный друг, либо подающий надежды новичок, который со временем запросто может стать душой коллектива.

* * *

Звонок в дверь. Старушка перестает бормотать. Звонок повторяется. Секунд через пять старушка встает, надевает тапочки и направляется в прихожую.

– Очки куда-то запропастились, – шепчет она. – На кухне небось. Где тут свет-то, Господи Иисусе! Никогда ничего не найдешь! Да слышу я, слышу! Сколько можно звонить!

На пороге стоит ничем не примечательный молодой человек. Черная футболка, серые джинсы и сандалии на босу ногу.

– Ты, мам, хотя бы цепочку накинула.

Специально надетая улыбка «для мамы» очень гостю идет, но создается впечатление, что именно для его лица она великовата.

– Было бы что брать!

– А как же твоя любимая, вечно юная тефлоновая сковорода?

– Федя, ты сейчас по шее получишь, честное слово. Или по заднице, – бурчит старушка-мама и тянется к сыну. – Дай, поцелую. Что это у тебя за сумка?

Федя, подставляя щеку:

– Немного картошки. Пожаришь? Года три уже ничего не ел.

– Поссорились?

– Вечно тебе про нас мерещатся всякие гадости. Поверь, все супермегаофигенно. – Слова произносятся через футболку, которая явно не желает сниматься. – Утром опаздывал, а днем тоже некогда было. Короче, ма, я в душ, не могу уже. И футболку постираю – вся мокрая.

– Ну, мойся, мойся. Руками собрался стирать?

– Ногами воздерживаюсь. И тебе не советую. Это, мам, – как это у вас, по-русски? – пережитки, понимаешь? Надо уже отвыкать потихоньку. Компьютеры так всех достали, что люди шалеют просто на глазах. Сейчас ручная работа ценится. Вот что дорого-то, вот что любо! А ноги беречь надо! Передвигаться будем на гаджетах каких-нибудь в положении «ноги вверх» – чтобы не затекали. Первое, говорят, средство от варикоза.

– Пороть тебя некому.

– Нет, если ты, конечно, настаиваешь...

– Давай сюда. – Старушка прячет улыбку и берет у сына футболку. – У меня своего тоже накопилось, заодно и постираю. Ты сегодня останешься?

– Пока не знаю. Скорее всего.

– Так, давай я сразу машинку запущу, а потом мойся сколько хочешь.

– Картошку куда бросить?

– Поставь около стола, сама уберу.

Старушка необыкновенно (или наоборот – обыкновенно) ловко заталкивает грязную одежду в стиральную машину и на ощупь включает нужную программу.

– Молодой человек, не растягивай свое мытье на два часа, пожалуйста.

– Пять минут. Обольюсь – и все.

Минут через пятнадцать, закончив основные приготовления к столу, хозяйка располагается у открытого окна для того, чтобы вникнуть в происходящее на автомобильной стоянке посредине двора. Поставленная жариться картошка уже начинает потихоньку посапывать и шипеть на отсутствующего Федора. Он, совершенно не чувствуя за собой вины, жизнерадостно напевает никому не известную мелодию. Отсутствие ритма щедро восполняется громкостью, но на улице оценить это обстоятельство некому: июльская жара доканывает даже самых безбашенных горожан.

Хозяйка внимательно провожает взглядом вкатившуюся на стоянку фиолетовую «девятку», оценивает наряд водителя, каждое его движение и, главное, содержимое вытащенных из машины сумок.

– Что-то поздно приехал.

Создается впечатление, что она дословно знает содержание короткого разговора, происходящего в данный момент между приехавшим и показавшим из окна будки свою загоревшую лысину сторожем.

Тетка серьезная, что и говорить. Все знали ее, с немногими оговорками, как человека, которого в этой жизни на какие-либо действия могли вдохновить только сын, внучка от дочки, два внука от сына, восьмилетняя девочка, живущая двумя этажами ниже, стиральная машинка и пылесос. В одежде ей симпатизировали черно-белые цвета с вкраплениями серого, что многими определялось как трезвость ума, порядочность и менталитет работника управленческого аппарата, в котором она действительно проработала около пятнадцати лет очень даже уважаемой мелкой сошкой. Звали ее Александра Ивановна. Урожденная Немчина. Муж, Лев Самойлович Нюссер, скоропостижно умерший несколько лет назад, всю жизнь пахал зубным врачом, безуспешно пытаясь совместить работу с воспитанием сына и дочери. Профессиональный долг почти всегда ставился выше семейных забот, так что совместительство не давало желаемого результата. Виноваты были его желание ничего не делать – он называл это природной мягкостью – и рассудительность. Сочетание таких качеств в России нередкое явление. Ругань, бесконечные наставления и напоминания, вечерние разговоры начистоту, звонки воспитателям, преподавателям и родителям одноклассников детей полностью ложились на женские

плечи. К перечисленному стоит добавить посещения сберкасс при оплате коммунальных услуг, бесконечные стирки и глажки, приготовление пищи, мойка посуды, вызовы сантехников, электриков со всеми вытекающими последствиями, самостоятельные мелкие ремонты мебели и бытовой техники. Левушка, как она его называла, будучи дантистом от Бога – пациенты его просто обожали, – был далек от жизненной текучки так же, как детство от старости или лунатик от луны, если угодно. Характер имел спокойный и никогда никого не обижал, даже жену. Александра же Ивановна, напротив, имела нрав вспыльчивый, строптивый и неугомонный. До всего ей было дело, во все она старалась внести свою посильную (непосильную) лепту, частенько и тогда, когда ее об этом не просили. Домашние, отдавая должное ее полководческому таланту, тем не менее, чаще всего избегали просить у нее совета и помощи, дабы дело не зашло слишком далеко, да и чтобы в очередной семейной разборке не наломать дров, так как и сами были далеко не ангелы. После смерти Левушки Александра Ивановна заметно сдала, что скоро сказалось на ее отношениях с дочерью и сыном: она панически боялась потерять то последнее, что у нее осталось – ненаглядного первенца Федю и появившуюся на свет четыремя годами позже девочку Надю, к моменту описываемых событий превратившуюся в двадцатипятилетнюю мадам со своими планами на жизнь, в которые родственники совершенно не вписывались. Если Федя приезжал к матери приблизительно раз

в неделю, особенно после смерти отца, то ее приезды были скорее редкостью. Она, как и Федя, жила отдельно от матери, но жизнь недавней девочки Нади сложилась не так благополучно, как у брата. Немолодой уже человек, с которым она жила гражданским браком, принес ей, кроме очаровательной дочки, больше огорчений, чем радости. Алкоголь и добровольная безработица так называемого мужа сделали ее существование почти невыносимым. Жили они в ближайшем Подмосковье, а работать Наде приходилось в Москве – с трудоустройством гораздо проще и зарплаты повыше. Специальность программиста позволяла ей брать заказы от разных фирм и частных лиц на дом. Что именно держало цветущую женщину, имеющую реальную возможность карьерного роста, около этого человека, для Александры Ивановны было поистине мучительной загадкой.

– Я же говорил, что быстро.

Федя стоит в дверях кухни и активно вытирает полотенцем голову.

– Твоя одежда в шкафу. Там твои старые шорты, я на них как-то натыкалась. В общем, найдешь, – наставляет Александра Ивановна.

Тарелки уже на столе. Из совсем старенького польского холодильника «Helkama» появляются малосольные огурцы, кетчуп «Heinz» и мелко нарезанная селедка.

– Нашел?

– Просто сказка! По-моему, они мне очень идут, – с фаль-

шивой неуверенностью бормочет Федя. Он растягивает в разные стороны штанины, превращая тем самым обычные джинсовые шорты в оригинальные джинсовые шорты-галифе.

– Ты на диете сидишь? Кожа да кости. И это ребенок, которым восхищался весь роддом!

– Я весил тогда четыре с половиной. Сегодня мой вес достигает почти девятиста килограмм ровно. Так что можешь гордиться мной, как прежде.

– Хлеб будешь?

– Селедка! Супер! – похлопывает себя по животу Федя.

– Ты меня слышишь? Мне хлеб резать или нет? Или ты сам соизволишь это сделать?

– Черный, милая. Только не очень много.

– Мерзавец.

– Просто никто так не может накрыть на стол, как ты.

– Вылитый отец! Такой же врун!

– Садимся?

– Больно, ты пряткий!

Александра Ивановна нарезает хлеб толстыми кусками, складывает их один на другой рядом с бутылкой кетчупа, затем подходит к плите и перемешивает в сковородке картошку.

– Кстати, напомни, когда будешь уезжать, что тебе надо забрать носочки для ребят. Наталье, может, не понравится, не знаю, но я старалась.

– Ей все понравится, вот увидишь. Как твои глаза?

– Получше, но инфекция не прошла еще. Закапываю лекарство каждый час. Врач говорит, что через неделю станет гораздо легче и я смогу потихоньку читать.

– Телек смотри. Так веселее.

Они садятся и начинают есть. Федор всерьез собрался побить рекорд по поеданию жареной картошки и спортивные интересы на некоторое время заслоняют его сознание от сидящей напротив матери, которая только делает вид, что ест. Александра Ивановна поглядывает то на кусочек сырой картошки, лежащий около газовой конфорки, то на отрывной настенный календарь, висящий над раковиной.

– Зачем мне телек? – вдруг произносит она. – С чего ты взял, что смотреть всякую чушь легкое занятие! Да еще для старого человека!

– Что? – Федор с удивлением поднимает на мать глаза. – Какой телек?

– Ты советуешь смотреть телевизор.

– Я?

– Ну, не соседи же!

– Просто с ним меньше скуки, вот и все.

– Не так одиноко, хочешь сказать?

– Не говори чепуху. Ты не одинокая.

– Надьки, считай, уже нет на свете, – на глубоком выдохе говорит Александра Ивановна и часто-часто моргает. – Со всем пропащая.

– Я не собираюсь это слушать, ма. Даже не старайся. Надь-

ка тебя любит, сама знаешь.

– Да и что мне покажут по этому телевизору-то? Беда одна, да и только. Горчицу будешь?

– Не-е. А то картошка не влезет.

– Твой отец тоже был юмористом, но даже выпуски новостей смотрел редко, – вздыхает Александра Ивановна. – Говорил, что чем больше мы смотрим, тем... Ладно, даже начинать не хочу! И мы еще платим за это! И не только за киловатты, и не только деньги.

Она тяжело встает, подходит к тумбочке, стоящей между мойкой и газовой плитой – там осталась лежать полбуханка хлеба, – отрезает еще пару кусков и кладет перед Федором.

– Говорил, помню. Так я же тебе просто так сказал, про телевизор-то. Ну, радио слушай, пластинки. У тебя же много классных пластинок. Я бы обалдел вот так сидеть!

– Ты молодой еще. Таких вот лопухов они и обрабатывают! Развлекательные программы, всякие зубоскалы, сообщения о том, что стряслось в Персидском заливе, что там премьер-министр одной страны ляпнул президенту другой. Бред сивой кобылы!

Федор некоторое время любитесь куском хлеба, лежащим рядом с тарелкой, затем водружает его на вершину уже имеющейся хлебной башни.

– Что же ты хлеб не ешь? Зачем я столько нарезала!

– Картошка офигенная!

– Не понимаю, как можно есть без хлеба! – Впечатление

такое, что мир рушится у несчастной матери прямо на глазах. – Может, вы и эту, как ее там... «Кока-Колу» пьете?!

– Изредка. Ма, картошка просто офигенная!

– Офигенная! – обреченно повторяет Александра Ивановна. – Ах ты господи! Забыла купить стиральный порошок! Не сходишь попозже?

– А тебе какой?

– «Tide» или «Losk», небольшие такие коробочки. И «Принцессу Канди» по двадцать пять пакетиков.

– Черный?

– Что?

– Купить черный «Канди» или какой?

– Только черный, какой же еще!

– Зеленый полезнее, говорят.

Они внимательно смотрят друг на друга.

– Как у тебя здоровье? Как ноги? – первым не выдерживает Федя.

Александра Ивановна едва слышно постукивает ногтями пальцев по столу. Ее внимание привлекают переводные картинки, расположенные в шахматном порядке на плитке около мойки.

Лет двадцать назад маленький Федечка из-за них не пошел со своими друзьями играть в свой любимый футбол. Вместо этого он целый вечер собственноручно наклеивал гномиков и ягодки на недавно положенную плитку. Время от времени Александра Ивановна напрашивалась помочь в

этом нелегком для сына деле, но раз за разом встречала решительный отказ. Видимо, дело было в том, что плитку клал Нюссер-старший – это уже само по себе стало событием года и прочно вошло в семейную историю, – ну, а сын, гордый оказанным доверием, ни за что не хотел отставать от обожаемого отца. Некоторые из картинок сейчас были уже наполовину стерты, но не потеряли своего прежнего обаяния.

– Так-то вот, – шепчет со значением Александра Иванова и запинается, забывая, о чем, собственно, идет речь. – Да-а. Вот так-то вот. Во-о-о-от... Ноги, говоришь?

– Да, мам, ноги твои как сейчас?

– Ходила я тут к врачу.

– И что он сказал?

– Да не он, а она – Евгения Петровна. Нет... А, ну да! Женя Заманская! Как же я могла забыть!

– Ну, а о ногах твоих она что сказала?

– Вроде лучше. Но это еще бабка надвое сказала. Помирать, может, скоро придется. Придешь на похороны-то? К матери-то?

– Мам, – Федя наблюдает за ноготками матери, – ты еще ого-го: зрение хорошее, сердце в порядке.

– Да? – Дробь по столу усиливается.

– Конечно. Ты еще лет двадцать проживешь, а то и все сорок.

– Еще чего!

– Мало, я понял. Пойдешь на полтинник?

– Иди ты куда подальше! Полтинник, скажешь тоже!

Свистит чайник. Федя выключает его, подходит к навесному шкафчику и оборачивается к матери.

– Варенье в холодильнике или здесь?

– Посмотри под пакетом с редиской. Там? Ну вот, ставь сюда. Открывалка в выдвижном ящике. Блюдца ставь, чашки. Я еще купила вафли, специально для тебя. Они вот тут, – и Александра Ивановна показывает глазами на шкаф-стойку в углу кухни, рядом с дверью.

– Зачем ты тратилась, ма?

– Ничего я не тратилась! Деньги у меня есть. Если бы не было – другое дело. Самой мне ничего не надо. Я и есть-то почти не хочу. Днем дела себе выдумываю, а вечером сяду отдохнуть, поставлю воду кипятиться – и замечательно. А чай и заваривать нет никакой охоты. Отец был жив – хотелось что-то делать, готовила с удовольствием, хоть и уставала. Конечно, уставала! Утром всех кого-куда отправить надо, потом самой бежать на работу. Там нанервничаешься, устанешь, а уже домой пора – готовить, стирать, уроки проверять. Ночью Лев Самойлович, Царство ему Небесное, с нежностями пристаёт, а утром его хоть краном подымай! – Александра Ивановна почти беззвучно смеется. – Иной раз, веришь, до одиннадцати валяюсь. Вот жизнь пошла! Кстати! Ты не забыл про отцовскую могилу?

– Мы в субботу хотели пойти. А ты что хотела там сделать? – спрашивает Федя. Он готовит бутерброд, состоящий

из белого хлеба, толстого слоя сливочного масла, куска сыра и малинового варенья.

– Пострижем траву. Ну, со скамейкой можно подождать до следующего раза, а вот оградку на Пасху не покрасили. Ты краску купил?

– Успею, – мычит Федя через бутербродную затычку. – Она на каждом углу продается! Ведь советской власти больше нет, ма, ты знаешь об этом?

– Все у тебя в последний момент делается!

– Черную?

– Черную, а как же! Все-таки кладбище. Или ты хочешь другую?

– Темно-синюю, например. В горошек. Но можно и черную.

– Любую, горошек ты мой, – только купи.

– Давай я сейчас, – Федя смотрит на красный пластмассовый будильник, стоящий на холодильнике, – после чая, в хозяйственный сбегую. Он же до восьми тут у вас, насколько помню? Часы правильно показывают?

– Он, может, и до восьми, но ведь ты хотел помочь мне разобраться на балконе. Забыл? И полку в шкафу – все время падает – помнишь?

– Елки-палки! Чуть не забыл!

Федя вскакивает и удаляется в прихожую, откуда почти тут же возвращается, держа в руках металлические держатели. Минуты две-три уходит на то, чтобы установить их в

уже упомянутом выше шкафу-стойке. Пока сын со всем этим возится, Александра Ивановна кружит вокруг него, наклоняется, всматриваясь в глубины милого сердцу шкафчика, будто оттуда вот-вот покажет свои зубки долгожданное счастье. Федя пару раз просит ее не мельтешить перед глазами и сесть-посидеть спокойно, но безуспешно. В какой-то момент Александра Ивановна даже вытаскивает из кармана передника маленькую крестовую отвертку с предложением пустить ее в ход. При этом она в воздухе самым энергичным образом то закручивает, то откручивает шуруп-невидимку, видимо, тем самым показывая, как на самом деле надо пользоваться таким инструментом. Но ее старания остаются незамеченными. Она подавляет вздох, выпрямляется и смотрит на готовую работу с видом человека, который и сам мог бы прекрасно справиться со всей этой напастью – и даже намного лучше, – но не берется просто из принципа, просто, чтобы кто-то другой – в данном случае сын – мог проявить себя в кои-то веки с лучшей стороны. Отвертка отправляется обратно в карман, наталкиваясь при этом на что-то металлическое, весьма напоминающее монеты.

– Какой ты у меня все-таки молодец! Хоть один человек с руками! И в кого ты такой, ума не приложу. Ну, уж не в отца, это ясно как божий день. Тот вечно холодильник с танком путал.

– Не говори ерунду. Он просто жутко тархтел, вот и все!
– Танк?! Что-то не соображу. Или отец?

– Конечно, танк!

– При чем здесь танк?!

– А холодильник при чем? Или отец?

– Ты меня когда-нибудь с ума сведешь, честное слово! Что за ребенок!

– Чем тебе отец не угодил? Сейчас-то?

– Не твое дело, молодой человек.

– Ты же вроде его любила. Не обижайся.

– Значит, было за что. И что значит это «вроде»? – фыркает, сверкая глазами, Александра Ивановна. – У вас, у молодежи, в моде другие нравы. Знаю я их прекрасно! По телевизору ужас что показывают!

– Ага! По телевизору! А я было подумал...

– Молчи! Вы и понятия не имеете о любви. О настоящей любви, о которой писали наши классики. На уме только мобильные телефоны, фильмы, интернет. Дрянь, короче, всякая!

– Тебе надо бы одну такую маленькую дрянь прикупить. На всякий случай.

– Сто раз я тебе говорила, что мне в нем ничего не видно. Там ноль-три набрать еще умудриться надо, не только вам звонить! Да и звонить им незачем – сдохнешь, пока дождешься.

– Сейчас, ма, есть телефоны, с помощью которых ты книжки могла бы читать. Любые, заметь! Об автодозвоне я уже не говорю. Знаешь, что такое автодозвон?

– Вот молоть чепуху ты горазд! Вот тут тебя хлебом не корми. И не держи меня, пожалуйста, за дуру.

– Давным-давно бы тебе купил. А в интернете ты можешь...

– Молчи ради бога! Мне соседка говорила – Михална, ты ее знаешь, – что интернет мировая помойка. И я ей верю, она зря не скажет.

– Сама небось из нее не вылезает, – скверно улыбается Федя. – Знаем мы таких знойных старушек!

– Вздор! Она очень порядочная женщина.

– Как и все твои подружки.

– А я лично и без интернета вполне благополучно помру.

– И без холодильника с танком. Мы об этом позаботимся, не беспокойся. Не будет этого, знаешь ли, шума и привычной возни. Ты умрешь у нас на руках. А до того наша Надька оставит свою работу и будет приглядывать за тобой до победного конца. Она добрая.

– Скажите на милость! – Александра Ивановна усаживается поудобнее. – Добрая!

– Она тебя любит, ма. Больше, чем я. Правда.

– Мужикам верить нельзя.

– Отцу же верила.

Александра Ивановна молчит. Она разглядывает семейные фотографии, которые расположились на противоположной от нее стене.

– Ма, – тихонько аукает Федя. – Ты что?

– Я? Я-то ничего. А вот двоюродный дед твой... Дмитрий Иванович...

– Что?

Александра Ивановна так внимательно смотрит в глаза сыну, будто без линейки хочет измерить межзрачковое расстояние.

– Что?... А много чего. Тетя Аня, покойная, всю жизнь приговаривала: «Митенька мой, Митенька!» А Митенька, дедушка наш ненаглядный, таки загулял однажды! На сорок-то шестом году жизни! И как, доложу тебе, загулял!

– Запьешь тут. Жизнь тяжелая была, ты сама рассказывала!

– Да он капли в рот не брал!

– А-а-а.

Федя с интересом смотрит на фотографию, где еще не загулявший однажды Дмитрий Иванович склоняет голову в сторону жены, Анны Васильевны, а их сын, совсем еще маленький Коля, Коленька, безмятежно сидит у отца на коленях и качает ножкой. Вглядываясь в открытое лицо Дмитрия Ивановича, Федя отмечает про себя, что такими глазами, как у него, наверное, смотрят из рая праведники на тех, кто мучается в жизни земной. Как-то не верилось и не хотелось верить, что милейший, всеми любимый дед Митя, человек образованный и от природы щедро наделенный не только умом, но и многими талантами, мог заинтересоваться какой-нибудь ударницей труда в конторе, где работал

сам. Это было бы шагом неосторожным: нежелательная информация могла легко просочиться и достигнуть ушей Анны Васильевны. Конечно, могли быть и другие варианты. Например, имевшая место быть школьная учительница, совсем еще молоденькая, только-только после педагогического училища. Она, как гласило семейное предание, сама, по-соседски, предложила дать Коленьке несколько уроков по русскому языку, чтобы тот пошел в первый класс не совсем с нуля. Кто знает! Могли, конечно, быть и две-три молодящиеся вдовушки – такие всегда и везде находятся. Такие подвертываются в самый неожиданный момент, как бы нечаянно для самих себя, но не вдруг для остальных, а потом начинают требовать от жертвы невесть чего: мол, давай теперь женись, раз так, и заводится песня, которую всякий нормальный мужик слушать просто не хочет и не может. Сами знаете, как это бывает.

Александра Ивановна тем временем готовит все для чаепития. Над чашками уже вьется пар, печенье веером разложено на блюде, запах любимого всей семьей малинового варенья распространяется все дальше за пределы кухни, и только тишина, еще так никем и не нарушенная, дает возможность без помехи подумать о самых важных в жизни вещах или, наоборот, заменить знаки вопроса на одну точку и по полной отдохнуть от тревожных мыслей.

Федя теперь с некоторым недоверием разглядывает лица других родственников, расположившихся на фотографи-

ях рядом с той, о которой шла речь выше. Выражения их лиц весьма серьезные. «С такими – думает Федя, – только в разведку ходить», – и поворачивается к матери.

– Вот прям так и загулял?

– Они ведь жили в такой дыре, – вздыхает Александра Ивановна, – что не приведи господь. Все друг друга знали по именам.

– Мам, это неубедительная причина для загула, согласишься. Не позавидуешь, конечно, предкам. – Федя качает головой и осторожно, стараясь не обжечься, отхлебывает чай. – Тут на рожи-то смотреть тошно, а они, сердешные, – по именам! Охренеть можно! Я бы точно свихнулся!

– Не надо так говорить. Свихнулся! Никогда так не говори!

– Так это ж бы да кабы – к примеру.

– Лишь бы что-нибудь болтать языком!

– Не лишь бы. – Федя с усилием потягивается, как бы пытаясь удержать всю тяжесть людской молвы, напускает на себя деловой вид и обращается к матери: – У нас остались балкон и покупка краски. С чего начнем?

Но Александра Ивановна явно не собирается переключаться на другую волну.

– Тетя Аня возилась однажды на огороде. Соседка подходит к забору и кричит на всю округу: «Аньк, Аньк, слышь, что говорю! Твой-то, кажись, со Степанной в бор подался!» Тетя Аня сразу и не поняла, говорит: «Что со Степанной?»

А та еще громче орет: «Митенька-то твой, говорю, со Степанной в бор подался!»

– И что тетя Аня?

– Соседка, та самая, нам эту историю и рассказала много лет спустя, когда тетя Аня померла.

– Ну?

– Вот тебе и гну. Тетя Аня наша, – в глазах Александры Ивановны мелькнула гордость, – сняла платок, вытерла им пот со лба, опять его повязала и говорит: «Пусть комаров покормят». Сказала – и за мотыгу опять взялась.

– И?

– И?

– Что дальше-то было? – Федя, потрясенный услышанным, ставит чашку на блюдце и смотрит на фотографию. Тетя Аня трогательно жметя к плечу мужа и смотрит в объектив фотоаппарата с такой обезоруживающей простотой, что... – Что тетя Аня ему потом сказала? И этой Степанне?

– Ничего она не сказала. Ни ему, ни Степанне и никому другому.

– Прямо совсем ничего?

– Ни словечка, ни словечка, родимая, не проронила.

– А дед Митя?

– Да кто ж его, деда Митю, знает! Занесла нелегкая куда не следует! И человек ведь хороший! Да что там хороший – чудо какой мужик был. За всю жизнь лучше его не встречала, вот оно как! Правда. До сих пор его люблю, не нады-

шусь. А ты что варенье не пробуешь? Почти год назад варила. Попробуй. Я добавила в него несколько звездочек аниса и чуть-чуть розового перца. Пальчики оближешь. Хоть у матери нормально поешь.

– Дай Наташке рецепт. Она тебе завтра позвонит, а ты продиктуешь.

– Так она ничему не научится, уверяю тебя. Я вот тоже думала, что смогу печь такие же блины, как твоя бабушка. Помнишь ее блины?

– А как же!

– Во-о-от! У матери родной не научилась – вот чем дело кончилось! А ведь столько раз на моих глазах эти самые блины делались! Сколько раз я стояла у сковородки и ждала очередной блин с пылу с жару. Тут ты в меня, тоже горячие любишь. Помогала ей: мазала сковородку растительным маслом, а блины – сливочным... если удавалось его достать. Какие пирожки с капустой она делала, боже мой! Они мне снятся иногда.

– Ну, приедем, мам, как-нибудь и все покажешь, расскажешь. Наташка будет только рада.

– Еще бы не рада!

– Даже не сомневайся.

– А никто, молодой человек, и не сомневается. Я во всяком случае. У Натальи твоей, конечно, недостатков хватает, чего греха таить, но в целом она девочка неплохая, лишнего не скажу. Только малину я сама куплю, пусть, скажи ей, не

обижается, а то обязательно что-нибудь напутаете и возьмете дрянь. Помнишь, как в прошлый раз с грушами получилось?

– Деньги мы тебе...

– Еще чего! Чтобы я от вас этого не слышала!

– Что тут такого!

– Никаких денег, я сказала! Или совсем тогда не приезжайте! Чего выдумал! Пенсия у меня, между прочим, побольше, чем у некоторых, ты не думай! Сама по магазинам хожу, сама стираю, сама в квартире убираю. Силы еще есть, не беспокойся. Ишь!

– Молчу, молчу, – улыбается Федя и смотрит, как мать грохочет грязной посудой и ищет под раковиной моющее средство.

– Ты бы лучше, пока я тут вожусь, посмотрел, что на балконе творится.

По интонации Федя понимает, что гроза прошла стороной, и, чтобы мать остыла еще быстрее, встает из-за стола, изображая готовность номер один.

– Все, как всегда, выкинуть?

– Я тебе выкину! Там увидишь два мешка и полиэтиленовые пакеты с ручками. Вот их – на помойку. Заодно, чуть не забыла, и черную краску купишь. Если кто из знакомых спросит, что купил и где, не говори, а то потом замучают разговорами, мол, где ж ты раньше была, да что так дорого, да не там покупать надо было. Еще и душой выставят!

– Понятное дело.

– Что тебе понятно?

– Что могут выставить.

– Вот то-то, что могут. Мне тут недолго. А ты иди, иди.

– Иду, иду.

Федя направляется в прихожую.

– Мерзавец, – с улыбкой говорит Александра Ивановна еще непечатой бутылке «Фейри», которая нашлась между мусорным ведром и ящиком для посылок со всякой хозяйственной чепухой. – Уже не переделаешь. Сама виновата.

* * *

– Я уж думала ты домой подался.

– Черной краски в вашем магазине не оказалось. Пришлось побегать.

– Нашел свой горошек?

– Нашел.

– Ну, тогда поставь его пока в тумбочку на балконе.

– Ваше слово, миссис, для меня закон, вы это прекрасно знаете, – без должного уважения бросает Федя и отправляется ставить краску на свежий воздух.

Тут следует оговориться. Воздух, конечно, далеко не свежий. Скорее, наоборот. Близко от дома находится вечно гудящее шоссе. Когда-то, лежащему в кроватке младенцу Феде оно представлялось тоннелем, по которому в одну сторону колоннами летели громадные злые осы, а в обратную,

таким же порядком, – добрые пчелы. Иногда среди них появлялись шмели. Они были сами по себе и вели себя независимо. Про тех и других Феде рассказывала мама, листая какую-то детскую книгу. Александра Ивановна даже пыталась изобразить, как пчелы или осы общаются между собой. Таким мальчику представлялось движение на шоссе до тех пор, пока он не подрос настолько, что мог самостоятельно подходить к окну и наконец увидеть бывший до того загадочным путь сказочных насекомых. Пчелы и осы превратились в легковые автомобили, а шмели в пассажирский и грузовой транспорт. Оказалось, что легковых автомобилей полным-полно во дворе, а некоторые из Фединых игрушек были уменьшенными во много раз копиями гудящих монстров. Этот факт вдохновил их обладателя. Радость омрачало лишь то, что копии не желали общаться ни с любопытным мальчиком, ни между собой. Федя решил самостоятельно освоить их язык и научить ему несчастные копии. На решение этой задачи ушло несколько лет. В результате бесплотные попытки были оставлены. Стало ясно, что копии никогда не заговорят и взаимностью не ответят.

За первым серьезным разочарованием последовало много других. С каждым днем их становилось больше, с каждым годом они становились только глубже и шире.

Федя стоит на балконе и разглядывает двор.

Несмотря на то что многие жители дома находятся либо на работе, либо за городом, машин много. Играющие неподалеку от детской площадки дети то и дело вытаскивают мяч из-под них – с тем чтобы тут же зафутболить его как можно выше и дальше. Мяч раз за разом попадает не туда, куда следует. Федя уже через минуту становится свидетелем того, как средних лет мамаша – а скорее всего молодая бабуля – в ярости преследует мальчишек за то, что мяч угодил в коляску с ребенком. Испуганное дитя верещит на чем свет стоит, а мамаша-бабуля безуспешно пытается огреть увесистой книжкой, которую только что читала, хоть одного из провинившихся. Мальчишки с азартом увертываются от ее неуклюжих ударов, а в ответ на эпитеты, которыми их награждают по ходу дела, только в восторге прыгают и смеются. Апогей веселья наступает в момент, когда книжка не долетает до адресата и попадает в ту же самую коляску. За считанные секунды мальчишки из просто провинившихся мальчишек превратились в грязных скотов и законченных подонков. Тем не менее столь стремительное перевоплощение никак на них не сказывается. Они с шутками и гоготом перебираются в соседний двор, а мамаша-бабуля, отчаявшись успокоить ребенка, катит коляску прочь.

Федя вздыхает и смотрит в другую сторону.

Его взгляд останавливается на трансформаторной будке. Она стоит почти напротив их подъезда и портит весь вид. Сто раз крашенное сооружение во многих местах проедено ржавчиной. Кроме этого, его многострадальные бока щедро украшены творениями мастеров художественного слова, которые предпочли сомнительного рода известности горькое забвение. На двери висит замок, но кажется, что стоит только хорошенько плюнуть на всю эту красоту и она рухнет.

Федя прекрасно помнит, как однажды – ему было лет шесть – он решил проникнуть внутрь будки. Толчком к этому стал просмотр фильма «Тайна железной двери». В нем отрицательный и положительный герои развлекались тем, что решали свои проблемы с помощью волшебных спичек. Шутка ли! Достаточно было загадать любое желание и сломать спичку, как желаемое в то же мгновение исполнялось. Это было гораздо удобнее, чем помогать матери убираться в доме (ужас!), учить цифры (легче повеситься!), буквы (чтоб им!), делать никому не нужную зарядку (лучше уж тогда совсем не просыпаться!) и так далее.

Пара-тройка круговых движений гвоздем внутри замка – и Сезам со скрипом открылся. Федя в глубине души надеялся, что именно стоящая в их дворе трансформаторная будка может круто изменить его серую жизнь. Никакой альтернативы на тот момент не было, и он поэтому не просто надеялся, а мечтал о чуде. С начала, когда пришла сама мысль

провернуть операцию «будка», он всерьез рассчитывал стать властелином мира. А чего мелочиться! Такую чепуху он мог решить преломлением одной спички. Другие спички пошли бы на уточнение менее значительных деталей его светлого будущего, таких как: обслуживающий персонал, личная охрана и тому подобное. Все было ясно как божий день. Подходя к будке, Федя вел себя уже намного скромнее – сказывалось волнение перед возможной неудачей – и был готов взвалить на себя бремя простого президента всея Земли: не так почетно, зато не надо то и дело мотаться по всяким там планетам на раздачи подзатыльников. Да и сколько времени на перелеты придется угрохать! Кошмар, даже думать не хочется! Где ж его столько взять, когда весь день в трудах да заботах! Нет, только не это! Однако, с последним щелчком замка, Федя решил, что не будет ничего зазорного в том, что он на какое-то время пойдет на понижение – примет, к примеру, на себя управление родным городом. Папа всегда говорил, что все начинается с малого. Хотя речь и шла почти во всех случаях о хроническом вранье Феде, последний решил, что маме с папой будет спокойнее видеть его чаще и ближе к дому.

Послушный сын перво-наперво посадит в тюрьму Веру Сергеевну, одну из воспитательниц детского сада, который посещал будущий глава городской администрации. Она слишком много знала. Кроме того, Федины одноклассники, как и сам Федя, ненавидели простоквашу, а именно

этим мерзким напитком их травила мерзкая Вера Сергеевна на завтрак и обед. Оставить такой беспредел без внимания означало признать поражение в войне, негласно объявленной воспитанниками ничего не подозревавшей воспитательнице.

Итак, что там дальше? Навскидку: прямо напротив их дома он построит небольшой такой замок комнат на пятьсот. Это ясно. Без него нельзя – не поймут. В нем можно будет принимать друзей. В первую очередь Серегу Кувырыка, Бана и Куксу. Они по достоинству оценят все его начинания и возражать не станут. Несколько игровых залов, бассейн, хоккейная коробка (разумеется, снаряжение для себя и остальных участников), телики во всех комнатах и на кухне (радио везде убрать), несколько мотоциклов, штук пять машин (Rolls-Royce, Bentley... ну, и еще какие-нибудь) – это для начала, просто, чтобы было от чего оттолкнуться. Остальное вырулится. И советчики найдутся. Их, пожалуй, придется держать на тот случай, если самому будет недосуг заниматься домашним хозяйством. Те же Серега и Кукса вполне могли бы работать на подхвате да следить потихоньку за теми же советчиками, чтобы носы не задирали. Верить никому, мама говорит, нельзя, за всеми нужен глаз да глаз. Тут с ней можно согласиться. Но только в этом.

Бан станет его генеральным заместителем. Он вроде не глупый. Но без испытательного срока не обойтись. От греха, как мама говорит, подальше. Опять мама!

– Ты меня слышишь?

– Что? – «Легка на помине!» – думает Федя. – Прости, я не расслышал.

– Говорю, блины, пока то да се, тебе поставила. Спишь на ходу?

– Блины?

– Ну-у, потек парень. Может, поспишь? – спрашивает Александра Ивановна и поджигает губы.

– А блины здесь при чем?

– Да вот решила тебя порадовать – замесила на скорую руку. Тесто постоит чуть-чуть и начну, если, конечно, не за-снешь.

– Горячие! Со сковороды! – жмурится от удовольствия Федя. – Сто лет не ел.

Александра Ивановна довольно улыбается. Она с видом полководца, проспавшего битву, бегло оглядывает двор, тяжело вздыхает, – как не помочь людям! – встает рядом с сыном и, водрузив очки на лоб, облакачивается на перила, чтобы без помехи ознакомиться с оперативной обстановкой в жизни двора. Королева Елизавета на балконе Букингемского дворца – и та в этот момент не смогла бы тягаться с ней: прошедший огни и воды домашний халат, недоступные взорам москвичей и гостей столицы хлопчатобумажные чулки, один из которых съехал до расшитых вручную полуваленков (о них говорилось выше), и, конечно, конечно! – на лбу старые-пре-старые очки в роговой оправе. В переносице, для прочно-

сти, они скреплены изоляционной лентой синего цвета. Пару лет назад любимым очкам Александры Ивановны пришел конец: она на них села. Сто десять килограмм веса, согласитесь, не шутка. Казалось, что наступает эра новых очков и пора раскошелиться. Но, вместо того чтобы лить слезы, Александра Ивановна твердо решила их воскресить. «Очки великолепные, – сказала она тогда, – у меня таких никогда не было и никогда уже не будет». Сосед, душа-человек, по ее просьбе скрепил две половинки, а Федя довершил начатое – по наущению матери обмотал место стыка изоляционной лентой.

– Ну, что тут хорошего?

Александра Ивановна стоит, уперев руки в боки, и взирет на происходящее вокруг.

– Все ждут тебя.

Укол зонтиком не достигает цели. Во всяком случае, полководец наш только снисходительно улыбается, демонстрируя выдержку, не доступную молокососам.

– Краску в шкафчик поставил?

– Как было приказано.

– Слева поставил, перед коричневой сумкой?

– Кажется, да.

– Кажется! Вечно вам все кажется! Что нынче за дети пошли, Господи Ты Боже мой! Мы вот такими не были, мы своих родителей уважали, между прочим, помогали им. Это ведь тебе не хухры-мухры, не шутки какие-нибудь. Привык,

что за тебя все Наталья делает. Знаю я все. Хватит улыбаться! А раньше я делала, да. Ты такой же, как отец! Того тоже ничего нельзя было заставить делать, а о тебе и говорить не хочу, только время терять. Открой-ка дверцу, я посмотрю. Слышишь, что говорю!

– Закрой глаза.

– Глаза?

– Я тебе фокус покажу.

– Ну, все, хватит дурачиться!

Федя торжественно, как если бы поднимал занавес в театре, открывает правую дверцу шкафа и замирает в ожидании оваций.

– Так, а банка где, где банка? Что-то я ее не вижу.

– В этом и весь фокус, старушка, понимаешь?

– У тебя что, кроме горошка, в голове ничего не осталось?

– Видишь ли...

– Что, сынок, я должна увидеть?!

– Дело в том, мамуль, что банка стоит слева.

– Слева?!

Александра Ивановна смотрит на сына как на воскресшего Лазаря. Можно подумать, что она не на шутку встревожена его душевным здоровьем.

– Ты вроде хотела этого.

– С чего ты взял!

– Ты еще спросила...

– Зачем спорить, когда не знаешь, что я хотела!

– Хорошо, я поставлю справа, так и быть, – смиряется Федя и тянется к банке.

– Уберу сама, не трогай! Все самой приходится делать!

– Добрый день, – вежливо и жизнерадостно выпаливает Федя.

– Что?! – пугается Александра Ивановна, но, проследив за взглядом сына, понимает, что приветствие адресовано не ей, а престарелой тетке на соседнем балконе. Тетка не хуже китайского болванчика кивает вверх-вниз головой, изображая приветствие, и явно ждет ответа.

– Здорово, Светлана Анатольевна, здорово, коль не шутишь. Говорю, самой вот все приходится делать.

– Что?

– Ни на кого надеяться нельзя, говорю. Всего своим, говорю, горбом надо добиваться. Поняла? Слышишь или не слышишь? Или тебе популярно объяснить?

– Что?

– Объяснительную написать? Давай напишу.

– Да ладно тебе, Ивановна, врать-то! – орет вдруг на весь двор Светлана Анатольевна. – И не краснеет, глядите-ка на нее! Я над ней угораю! Да мне бы, Танюх, такого красавца – скажи ты ей на милость! – разве ж я ходила в этой жизни с пальцем в жопе?! Скажи ей! Неужто я бы так жила!

Танюха, другая соседка, свешивается из окна этажом выше и улыбается какой-то толстушке, которая, из-за того что ее квартира находится в доме напротив, совершенно изны-

вает от недостатка информации и отвратительного обзора.

– Так что ж ты не рожала-то?

– Так Бог-то – он ведь не всем дает! Меня, за жизнь-то мою такую, пожалел, наверно. И правильно сделал. Шейка бедра-то вон до сих пор болит не знаю как, сама знаешь. На унитаз – и то с палкой. Вот так, милые мои. – Следует вздох, способный разжалобить любой суд присяжных. – Жизнь у меня така-а-ая, что ну ее в качель!

Голова Светланы Анатольевны теперь качается из стороны в сторону.

– Зато у тебя мужиков куча, – парирует Александра Ивановна и, не удержавшись, добавляет: – Была.

Она смотрит на Федю и закатывает глаза, как бы показывая, что все еще только начинается и лучше набраться терпения.

– То-то, Ивановна, и оно, что куча. Вот тут, Ивановна, ты в самую точку попала, – грохочет Светлана Анатольевна и ржет так, что в окнах появляются головы еще трех соседок. У одной из них в руках нож и четверть луковицы. Тыльной стороной ладони незнакомка вытирает слезы.

– Любой из них за тебя бы, наверное, жизнь отдал. Везет же некоторым! А все потому, что ты у нас первая красавица подъезда. И самая молодая.

– Иванна, да я на восьмое марта ни от одного из них цветов не видела. Ни разу! Вот она где жизнь-то! Да и то сказать, они от меня тоже мало хорошего видели, чего греха таить!

На Новый год оливье – и марш к телевизору, только бы не приставал. Ну, какой-нибудь фик-фок на голове соорудишь, чтобы ненаглядный поразился. Вот и вся моя жизнь.

– Не жалеешь ты себя, Светлана Анатольевна, не жалеешь.

– Так вот стараешься, стараешься для них, как можешь, а у них то ведь одно только на уме. Сама знаешь.

– Опять она мне портит ребенка! – взывает к общественности Александра Ивановна и, оборачиваясь к Феде, тихо добавляет: – Врет, как сивый мерин.

– Что?! – явно недослышит Светлана Анатольевна. Головы всех присутствующих поворачиваются в сторону Феде. – Какой такой ребенок?! Это ты про дядечку, который рядом с тобой стоит? Я угораю. Федька, ты понял?! Это ведь она тебя так приложила!

– Ей можно, тетя Свет, – улыбается Федя.

– Ну, другого ответа я и не ждала, подхалим несчастный! Вот все они такие, когда им надо! И ты туда же! Мой последний, бывало, когда в одном месте зачешется: «Светик, зайчик, ты бы отдохнула. Давай помою, давай постираю». Мама дорогая! Соловьем заливается, а глазки как у кота Васьки, обоссаться можно. Ну, твой-то, – говорит она, обращаясь к Александре Ивановне, – не из таких, сразу видно. Интеллигенция! Днем с огнем таких не найдешь – ищи-свищи!

– А я такого же хочу! – мурлыкает одна из участниц собрания.

– Да ты, Валентина Николаевна, на него посмотри и на

себя. Сравнила! Хорошо еще Колька твой не слышит, а то быстро бы тебе язык куда надо засунул.

– Он только это и может.

– Федька, крепче держи оборону. Знаю я их! Девчонки отымеют тебя по полной программе, стоит только отвернуться, а потом под венец потащут. Ты не смотри, что им под семьдесят, под восемьдесят – те еще проказницы!

Если взрыв бомбы производит много шума, то сейчас происходит все наоборот – наступает зловещая тишина. Все смотрят на бомжа, который сидит на скамейке перед подъездом и читает газету, видимо подобранную тут же. Кажется, он полностью ушел в чтение и не замечает никого вокруг. Но у проказниц на этот счет нет никаких иллюзий.

– Кто это тут нас старыми курицами назвал? – взвизгивается, слышав звуки труб перед грядущей битвой, Светлана Анатольевна. – Молодой-хороший, это я ведь к вам обращаюсь.

– Мерзавец назвал нас клячами! – с полоборота начинает бить копытом Танюха. Улыбка ее не сулит читателю на лавочке ничего хорошего. – Наглость высшей марки! Я сейчас на него суп вылью – как раз горячий! Подлец!

– Да он тут часто шляется! – подает голос плачущая домохозяйка, тыча одной рукой ножом в небо, а другой крепко сжимая половинку луковицы. – Он в бойлерной ночевать повадился, так что ждите – скоро воду отключат.

К хору присоединяются все остальные, и Феде, чтобы насладиться сценой вполне, приходится то и дело смотреть во

все стороны.

– Безобразие!

– Нет, девчонки, чувствую, это никогда не кончится! Я вечером уже боюсь на улицу выйти, вот до чего дело дошло!

– Понаехали!

– А когда ты днем-то выходила?

– Хам!

– Расселся, как у себя дома! Тьфу, противно смотреть!

– Я, честно говоря, о нем лучше думала. А еще очки носит!

– Раскудахтались! Нормальный мужик. Не пьяный, не дебоширит – и ладно, – вставляет свои пять копеек совсем древняя старуха, стоящая на балконе четвертого этажа, прямо над Александрой Ивановной и Федей.

– Татьяна Николаевна, вы, наверно, вчера чаю перепили. Этот гад назвал нас мокрыми курицами, вы что, не слышали?!

Неожиданно для всех бомж кладет дочитанную газету на скамейку, встает и сладко потягивается. Вновь наступает тишина, которую вскоре нарушает сам виновник народных волнений.

– Кого же это я тут обозвал? – спрашивает он миролюбиво.

– Нас, нас! Ему этого мало, люди добрые! Все мужу скажу – он тебе покажет кузькину мать!

– Да он и так с ней на короткой ноге, оставьте вы его в по-

кое, – с мольбой в голосе обращается к собравшимся Татьяна Николаевна. – Человек и зимой и летом на улице живет!

Она крестится и утирает слезу.

– Сам виноват! – констатирует пострадавшая от лука домохозяйка. – Небось троих детей на жену бросил.

– Да с чего вы взяли! – встает на защиту бомжа Федя и запинается: из подъезда выходит Александра Ивановна. Она подходит к бомжу и дает ему в руки что-то, завернутое в пищевую фольгу. Когда она успела!

– Спасибо, Александра Ивановна, спасибо, милая, – бормочет бомж в полной тишине и прижимает к груди сверток. Он ее знает, вот так новость!

– Ой, девки, фильм начался! – вдруг сокрушенно пищит Танюха. – Все! Всех люблю, целую. Пошла!

Поднимается паника. Бомж тут же всеми забыт, а большинство ораторов, не дождавшись аплодисментов и занавеса, в считанные секунды покидает место действия.

– Коль, не обращай на них внимания:дохнут от скуки, вот и развлекаются. Они бабы, в принципе, неплохие, – утешает Александра Ивановна бомжа. – У нас же дурдом на колесиках, сам знаешь.

– Знаю, милая, знаю. Я и не обращаю, не обращаю. Светлана-то Анатольевна, душа-то наша, всегда меня помыться зовет. Знаю, милая! Жалеет! Характер уж такой. Прямо как у моей тещи, Царствие ей, как говорится, Небесное!

– У нее старшего сына убили, а второй пьет беспробудно.

Что хочешь, то и делай.

– Знаю, милая. Все мы хороши, чего там!

– Сынок, на вот тебе! Больше ничего нет! – Над головой Феде, через балконные перила свешивается Татьяна Николаевна и неловко бросает вниз карамельку. Она снова крепится. – На доброе здоровье!

– Ой, спасибо! – отработанным тоном благодарит бомж и скачет по газону к тому месту, куда упала конфета. – Вот спасибо! Так-так-так, где ж она? Чего тут только нет, мать честная, чего только нет, просто диво дивное! Та-а-ак... Ага, вот она где спряталась, вот где схоронилась! «Раковая шейка»! Мои любимые! Я уж думал, их давно на свете нет, а они, оказывается, есть! Есть! Вот радость, вот спасибо!

Он выбирается обратно к скамейке и стоит с таким счастливым лицом, будто только что купил себе за городом трехэтажную виллу с бассейном, теннисным кортом и рядом – маленький, но очень уютный домик для гостей. В конце концов, после поклона, адресованного Татьяне Николаевне, он подмигивает Феде и пытается поцеловать руку Александре Ивановне. Та в испуге шарахается и бежит к подъезду.

– Совсем сдурел!

– Так любя же, любя, – пытается бомж утешить хлопнувшую за Александрой Ивановной дверь. – Я же от чистого, как говорится, сердца, не со зла. Эхма! Беда одна!

Потоптавшись на месте, он убирает карамельку в карман штанов, обеими руками сжимает сверток и идет прочь.

Федя посматривает то на сутулую спину бомжа, то на растущие в длину солнечные зайчики, то на трансформаторную будку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.